

№ 3

0971

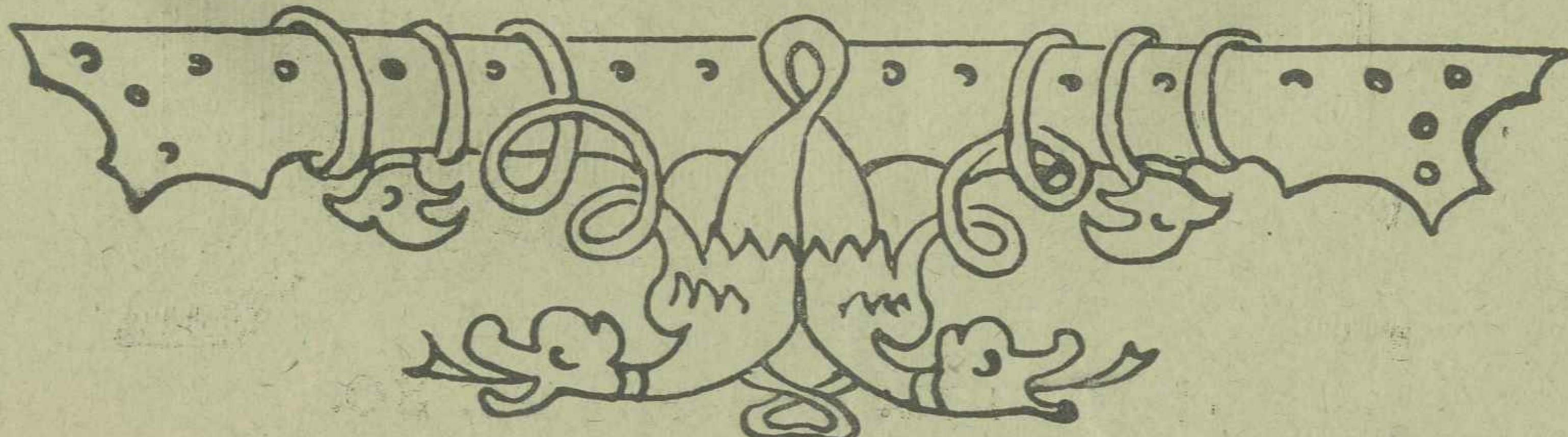
1914 годъ.

Цѣна 10 ко.



Еженедѣльный журналъ
учащейся молодежи
въ пользу семей
павшихъ въ бою
воиновъ.

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8. Контора открыта
ежедневно съ 10 до 5 час. дня. Редакція—отъ 6 до 8 час. вечера.
Тел. 530-66.



ПЕТРОГРАДЪ.

Бельгійско-Голландскій Магазинъ
**ЭСДЕРСЪ и
СХЕФАЛЬСЪ.**

Гороховая 15—73, у Краснаго моста.

получены
послѣднія новости сезона.



Магазинъ: Невскій пр. 30.

Съвержыи Іусляръ

0971

№ 3

15 Ноября 1914 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Отъ редакції.—Объ экономическихъ организаціяхъ.—Въ храмъ (стих.).—Зеленые звѣзды.—Сказка (стих.)—Тріолетъ, Закатный сонетъ (стих.)—Порогъ жизни.—Стихотв.—Стихотв.—Деревенскіе педагоги.—Стихотв.—Воронъ (стих.)—Футляръ или цензура?—Исповѣдь редактора.—Стихотв.—Письма въ редакцію.—Изъ отчета редакції.

Отъ редакціи.

Желая поставить дѣло изданія журнала на прочный фундаментъ, стремясь обеспечить себя и читателей материаломъ и аккуратнымъ выходомъ въ свѣтъ номеровъ журнала и имѣя въ виду сотрудниковъ преимущественно учащихся, редакція постановила, съ выпуска настоящаго номера, ввести принципъ платности за материалъ, годный для помѣщенія на страницахъ нашего журнала. Разумѣется, лица не нуждающіеся въ заработкѣ могутъ оставлять свой гонораръ, направляя его въ пользу семей пострадавшихъ отъ войны.

Объ экономическихъ организаціяхъ.

Потребность въ экономическихъ организаціяхъ ощущалась давно и эту потребность отчасти удовлетворяли организаціи, существовавшіе подъ именемъ—землячество, кружковъ и кассъ-взаимопомощи. Однако, изъ исторіи дѣятельности этихъ организацій видно, что эта форма подсобныхъ корпораций, въ смыслѣ материальной поддержки, чрезвычайно малополезна и далека отъ

совершенства. Хорошимъ показателемъ ихъ малополезности и не совершенности являются факты—не посѣщенія собраній этихъ организацій, слѣдствіемъ чего является постоянное отсутствіе кворумовъ и затяжной характеръ выработки насущныхъ реформъ въ связи съ дѣятельностью кружковъ,—невозможность удовлетворенія материальныхъ нуждъ учащихся въ виду незначительности

денежныхъ ресурсовъ и проч.,—но и этотъ видъ студенческихъ организаций постепенно вымираетъ. Ссуды земляческихъ кассъ и даже кассы взаимопомощи настолько не велики, настолько не удовлетворяютъ всѣхъ нуждающихся, что обѣ этомъ и говорить не приходится. А всматриваясь въ работу этихъ организаций можно согласиться съ мнѣніемъ: что „тамъ идейно работаетъ лишь президіумъ“, а члены кассъ служатъ—лишь платежнымъ или совсѣмъ неплатежнымъ материаломъ и вполнѣ понятенъ ихъ индифферентизмъ къ общественнымъ интересамъ студенческой среды. Если и заслуживаетъ еще вниманія такая организація, какъ касса взаимопомощи при Петр. Политехническомъ, которая довела свою дѣятельность до весьма солидныхъ размѣровъ (такъ за 1912 годъ кассою было выдано ссудъ на 8350 рублей), однако и здѣсь „отношеніе студентовъ къ Кассѣ Взаимопомощи слишкомъ безразличное“, что опять таки служитъ показателемъ несовершенства организаций этого типа. Въ настоящее же время—по причинамъ вполнѣ понятнымъ—притокъ средствъ въ кассы землячествъ настолько незначителенъ, что обѣ обезпеченіи малоимущихъ нечего и говорить и вопросъ обѣ изысканіи этихъ средствъ становится самъ по себѣ достаточно остръ.

Откуда добыть средства малоимущимъ, существовавшимъ прежде за счетъ кассъ? Найти работу,—но теперь работу найти не легко, тѣмъ паче учащемуся, свободное время котораго ограничено. Слѣдовательно необходимо изыскать новыя формы экономическихъ организаций, болѣе жизненныхъ и болѣе современныхъ.

На западѣ, въ большихъ центрахъ, гдѣ имѣются университеты, студенты

находятъ заработокъ путемъ организаціи артелей, которыми выполняются всевозможные виды работъ—включительно до мытья оконъ и половъ въ чайныхъ и ресторанахъ.

И это не считается унизительнымъ и позорнымъ, а наоборотъ, даетъ право гордиться своей полезностью и возвышаетъ въ собственныхъ глазахъ. Вполнѣ ясно, что всякий трудъ дѣйствуетъ на человѣка облагораживающе, тѣмъ болѣе, трудъ чернорабочаго. И тамъ съ успѣхомъ выполняютъ черную работу учащіяся высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ, кроме заработка, каждый еще имѣеть возможность наблюдать жизнь, тѣсно съ нею соприкасаясь, сближаясь съ народомъ.

Въ данномъ случаѣ мы позаимствуемъ у Запада то, чего у насъ нѣтъ. Нашъ опытъ ближе къ осуществленію и частью уже осуществленъ. Артель сотрудниковъ по распространенію нашего изданія доказала на дѣлѣ, что черная работа можетъ съ успѣхомъ выполняться и людьми интеллигентными и стоитъ только на это взглянуть съ нѣсколькою иной точки зрѣнія, какъ маленькой опытъ можетъ стать колоссальной организаціей и принести культурные плоды. Но это только опытъ и не смотря на то, что мы,—пionеры въ этой области—полны силъ, желанья работать и съ самыми радужными надеждами на успѣхъ,—мы тѣмъ не менѣе своими силами не справимся и съ частью той задачи, которую взяли на себѧ. Правда, общество встрѣтило наше начинаніе сочувственно и оказалось довѣріе—и мы постараемся оправдать это довѣріе.

Не смотря на то, что у продавцовъ нѣтъ кружекъ (въ чемъ мы не видимъ надобности, т. к. цѣна отдѣльного но-

мера 10 коп., печатается определенное количество и давший свой гривенникъ можетъ быть спокоенъ за его умѣстное определеніе) у каждого разносчика-студента оказывается приторжка рубля 2—3 на сотню проданныхъ номеровъ, а въ прошлый разъ, отъ продажи первого номера, какъ видно изъ отчета редакціи, такихъ денегъ оказалось свыше 100 рублей. Но не смотря на это—повторяемъ—намъ своими силами спрavitься не легко. Необходима поддержка города, хотя бы въ смыслѣ оказанія содѣйствія: какъ бесплатный проездъ въ трамваѣ и конкахъ — продажъ журнала въ стънахъ общественныхъ учрежденій и прочаго, на что мы имѣемъ право расчитывать.



Въ храмъ.

Пссреди притихшаго собора
Черный гробъ изъ чернаго свинца.
Не могу испуганного взора
Отвести отъ мертваго лица.
Этотъ ликъ такъ непостижно страненъ:
Нѣть и тѣни тлѣнія на немъ...
Можетъ быть онъ живъ и только раненъ
Смертоноснымъ вражескимъ огнемъ?
Нѣть, онъ—мертвъ. Въ прострѣленномъ на-
вылетъ

Юномъ сердцѣ жизни больше нѣть,
День пройдетъ и тлѣніе осилить
Побѣженной жизни хрупкій слѣдъ.
Поблѣднѣютъ розы на ланитахъ,
Станетъ желтымъ воскъ его руки
И придавять блескъ очей открытыхъ
Тусклые, нѣмые пятаки.

Василий Князевъ:

„Экономическая организація являемся живыми трупами; научные кружки находятся въ загонѣ; студентъ до сихъ поръ считается отдельнымъ посѣтителемъ, предоставленный себѣ, онъ становится на путь одиночества. Это фактъ. Но фактъ и то, что въ широкихъ мас- сахъ студенчества замѣчается стрем- леніе къ новымъ формамъ жизни, потребность въ болѣе свободной атмо- сферѣ для личной общественной жизни“.

Нуженъ просторъ и активная живая работа!

Студентъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗЕЛЕНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

(Сказка моря).

Море рассказывало: „Зеленые звезды на черномъ бархатѣ неба любилъ онъ. Зеленые кротко-наивныя, ласково мерцавшія свѣтлыми пятнышками,—они рѣзво крутились въ небесномъ хороводѣ шумной гурьбой—презирали условность и симметрію и онъ любилъ ихъ. Темной ночью, когда спалъ сторожъ-мѣсяцъ, закутавшись въ теплныя тучи, онъ выходилъ изъ дома, садился на старую скамью подъ старымъ заборомъ, или на камни у берега моря и смотрѣлъ вверхъ, въ черную бездну ночи—на кротко сіявшія звѣздочки. Въ нихъ ему чудилось далеко-угасшее прошлое,—великая тайна будущаго,— великая загадка мірозданія. Въ нихъ онъ провидѣлъ и новыя ряды поколѣній, сокрытые въ глубинахъ неуловимаго. Ласково-веселыя игруньи, онѣ шумѣли пестрымъ хороводомъ, пѣли беззвучныя пѣсни землѣ и толпились у воротъ пропасти смѣлыя и жадныя до всего прекраснаго. Вѣроятно они любили также цветы, они сами походили на цветы,—золотисто-зеленые—они страстно любили старуху землю. Они не любили небо. Его дневная

лазурь пугала ихъ, а черный бархатъ ночи казался имъ трауромъ. Землю, старую грѣшную землю, съ ея слезами, съ ея печалью, съ ея счастьемъ-обманомъ, —любили они.

— Милыя дѣвочки—шептала въ восторгѣ старая грѣшница:—вы приласкали меня убогую и больную. Своимъ зеленымъ свѣтомъ вы согрѣли мое костлявое тѣло, но я, милыя звѣздочки, не заплачу вамъ за это, вы погибните въ моемъ плѣну... Вы попадаете подъ удары безпощаднаго бога, а на ваше мѣсто станутъ другія—не менѣе яркія, не менѣе юныя...

Не вѣрили звѣздочки, лукаво щурились!

Жизнь сказкой казалась имъ и кружились въ пестромъ хороводѣ, жадно цѣлюя старуху“.

Море шептало:

...„Часто темной ночью, когда сонныя волны мои грезили небомъ и солнцемъ, онъ садился въ широкую лодку, взмахивалъ длиннымъ весломъ, выплывалъ на зеркальное плесо и, опустивъ весло, взглядалъ вверхъ, а потомъ внизъ, въ мои глубины, зеленые звѣздочки казались еще наряднѣе,

еще прозрачне и легко дышала грудь художника, а оттого, что звѣздочки отражались въ моихъ глубинахъ, ихъ было вдвое больше и казалось—міръ безподобно красивъ!..

Изрѣдка черкнетъ яркая ленточка, словно черное небо расколется и за нимъ покажется другое, огненно-золотистое и снова тишина, снова безмолвье кругомъ, лишь колышутся холодныя волны мои, да беззвучно поютъ игруны звѣзды.

— Какое ему дѣло до нихъ, до падающихъ!

— Пусть падаютъ! Вѣдь не онъ же причина ихъ смерти и рѣдко грустилъ онъ о падающихъ звѣздочкахъ, хотя и любилъ ихъ.

Жадная молодость искала живого. Смѣлый умъ не мирился со смертью!

А море рассказывало дальше:

„Разъ гдѣ-то, въ большомъ-большомъ городѣ, гдѣ такъ много искусственаго свѣта и искусственныхъ звѣздъ, въ одну темную зимнюю ночь, когда онъ любовался своими зелеными звѣздочками, онъ увидѣлъ одну необыкновенной красоты звѣзду и сразу замеръ отъ восхищенья. Онъ любилъ ихъ безумно, жизнь безъ нихъ для него не представляла смысла.

А такихъ звѣздъ онъ еще не видалъ.

Она поразила его своимъ блескомъ,—не вѣшнимъ! О, нѣть! Внѣш-

не она была чуть-ли не меньше другихъ и безъ особенной яркости, даже по величинѣ она уступала многимъ и ея матово-зеленый отливъ не поражалъ своимъ величиемъ. Что-то другое таила она въ себѣ.

Только чуткимъ ухомъ души разслышалъ художникъ ея душу, ея внутренній блескъ и таинственный смыслъ. Что-то величественно-прекрасное излучала эта маленькая зеленая звѣздочка, излучала какіе-то невидимые огоньки и зажгла сердце сына земли и запылалъ художникъ, какъ гигантскій костеръ. Его мечта—слиться съ небомъ, съ звѣздой и умереть въ чудномъ блескѣ ея души—стала единственнымъ смысломъ всей его жизни...“

Уснула тишина. Уснули волны, а море рассказывало...

... „Чудные сны рѣяли надъ нимъ послѣ долгихъ созерцаній неба и въ хороводахъ безчисленныхъ звѣздъ онъ видѣлъ ее, одну, — свою милую, свою печаль и свою безумную радость.

Такъ жилъ онъ, упоенный своимъ счастьемъ—художникъ. Въ его головѣ роились мысли и зреали планы:

Картину создастъ онъ на удивленіе міру! И покроетъ безсмертною славой твореніе человѣковъ, и примирить съ землей небеса.

Пыльные музеи будутъ много вѣковъ пѣть его имя, а на облом-

кахъ его безумія вспыхнетъ новый свѣтъ.

Жизнь станетъ безумной, но счастливой сказкой.

Онъ подарить землѣ ее, воспринятую и разсказанную имъ. Юную Венеру Вселенной дастъ красоту, что спасетъ міръ, красоту о которой такъ долго мечталъ человѣкъ.

Старому тѣлу онъ дастъ юное сердце. Онъ подарить ее старой землѣ.

— Моя чудная, моя загадка-царица! шепталъ онъ, любуясь звѣздой.

Свѣтлые дни стали для него ночью, а темныя ночи—ликующимъ днемъ. А звѣзда горѣла ровно, спокойнымъ—полнымъ мягкости и прелести—свѣтомъ, только, какъ будто чуть-чуть стала уклоняться отъ своего истиннаго пути. Художникъ не былъ астрономомъ и не могъ знать, что другая сильная звѣзда приближалась къ его царицѣ и своимъ тяготѣнемъ вліяла на ея путь“.

Глохъ вздохнуло море и продолжало свою сказку:

„Разъ темной ночью, художникъ вышелъ на свое randevu и грустью омрачилось чело его. Огонь глазъ сталъ темнѣе, а движенія духа несмѣлы. По небу клубился туманъ. Черныя тучи ходили, груко ворочаясь и крупный дождь сыпалъ, какъ дробь. Художникъ

кутался въ свой старый дырявый плащъ и не хотѣлъ вѣрить вѣроломнымъ тучамъ. Они не покажутъ ему его звѣзду?

О, нѣтъ! Это жестоко, слишкомъ жестоко. Но тучи хитрили, чуяль художникъ, что заговоръ тучи готовятъ, не даромъ они цѣлую ночь прячутъ его звѣзду. Что они хотятъ сдѣлать?

Зачѣмъ имъ высокимъ тучамъ гибель его, маленькаго человѣка? Зачѣмъ?..

И злоба начинала его душить.

— Ну, ползи же, позѣнница тучка.

— Ползи! Сдвинь въ сторону свое черепашье тѣло; убери свой затасканный хвостъ и не води имъ по лицу моей возлюбленной, моей королевы!

— Вѣтеръ, вѣтеръ!—молилъ художникъ.

— Свободный вѣтеръ и свободный художникъ: будемъ товарищами, будемъ вмѣстѣ...

— Лети туда, въ нѣмую высь и развѣй это старушечье тѣло, дай мнѣ на мигъ увидѣть мою звѣзду!

Волны мои зарокотали, какъ струны. Дрогнули камни отъ вѣтровыхъ ногъ. Примолкли шалуны зеленые звѣздочки. Въ пѣну и градъ разсыпались тучи...

Глянулъ художникъ въ очи зеленые и чуть не упалъ въ шумящія волны. Блѣдно глядѣла зеле-

ная звѣздочка и казалось—слезы текли изъ прекрасныхъ очей; грустно-печальная, она опустила головку...

Близко-близко шла другая звѣзда

Память художника нарисовала на черепной крышкѣ огненный слѣдъ, потомъ край земли, гдѣ

исчезла въ безднѣ эфира зеленая звѣздочка,—темный уголокъ неба, озаренный прежде зеленымъ свѣтомъ и потускнѣвшій міръ”.

Тихо было. Межъ камнями уныло шелестѣлъ вѣтеръ. Чутко слушали волны, а море кончило сказку и не знало: что дальше?..

ABA.



Сказка.

Яркій мѣсяцъ обшарилъ все дно у рѣки
И укрылся за темною тучей;
На лугу загорѣлись кругомъ свѣтляки,
Закружились русалки надъ кручей.

* * *

По горамъ чередой съ фонарями бѣгутъ
Бородатые мальчики—гномы,
Два крылатыхъ дракона вдвоемъ стерегутъ
Полоненной царевны хоромы.

* * *

Съ неба звѣздочка тихо скатилась одна,—
Чья то жизнь закатилась земная...
Я безсонный мечтатель сижу у окна,
Сказки дѣтскихъ годовъ вспоминая.

Евгений Козловъ.



Тріолеть.

Тихія, грустная, ясныя, бѣлыя
Сумерки свѣтлаго, вешняго дня
Нѣжною лаской чаруютъ меня,
Тихія, грустная, ясныя, бѣлыя...
Сердцу больному, устало-несмѣлому
Дайте желанный покой,
Тихія, грустная, ясныя, бѣлыя
Сумерки ранней весной!..



Закатжый сожеть.

Вы прислали букетъ хризантэмъ,
Темно-желтыхъ, подобныхъ топазу...
Заключу я ихъ въ узкую вазу,
Будто рой одалисокъ въ гаремъ!..
Стало тихо... лучи золотые
Пламенѣли на стеклахъ оконныхъ,
И горѣли въ закатѣ литые
Темной бронзы два рыцаря конныхъ...
Ясный день угасалъ, и смягчали
Хризантемы горячій свой тонъ...
Лиловѣли прозрачныя дали,
И темнѣлъ за рѣкой небосклонъ...
Сумракъ скоро укроетъ совсѣмъ
Вашъ кудрявый букетъ хризантэмъ...

B. Солнцева.



Порогъ жизни.

(Пѣснь прозою на мотивъ изъ Ницше).

(Окончаніе).

IV.

Изъ дневника.

Я въ Петербургѣ. Сижу одинъ и перечитываю свои замѣтки. Ея нѣтъ. Она далеко.... далеко. Мы разстались холодно. Скора та не прошла такъ. Эта скора оторвала отъ меня ее, мою прежнюю Нелли. Нелли—дитя, Нелли,—которая такъ чутко относилась къ каждому моему слову, которая благодаря этому, стала частью моей души—Нелли нѣтъ. Она чужая, далекая „барышня“. Я не знаю больше ея взглядовъ, не знаю какая она теперь. И мучительно любить прежнюю Нелли, не смѣть говорить этого теперь той же самой для меня.... Я даже не смѣю узнать ее. Вдругъ она измѣнилась? Но какъ? Чѣмъ она теперь живетъ? Что ее интересуетъ? Раньше она такъ выдѣлялась изъ среды своихъ подругъ начитанностью и умомъ. А теперь лишь изъ другихъ усть слышишь, что она во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный человѣкъ. Что же она теперь? Ничего не знаю. Все догадки, догадки, отъ которыхъ кругомъ идетъ голова.

А здѣсь въ Петербургѣ такъ холодно. Хотя я не чувствую себя здѣсь хуже, чѣмъ среди своихъ же товарищъ тамъ дома, но тамъ каждая вещь говорила о прежнихъ надеждахъ, будила воспоминанія о безмятежной жизни. Здѣсь

же остаются дневникъ и книги. Вотъ мои друзья. Я читаю много, страшно много. Я хочу установить определенные взгляды на жизнь, хочу въ этихъ взглядахъ найти себѣ полную самостоятельность, найти дорогу для своей работы. Я хочу освободиться отъ всѣхъ надеждъ, которыя я связалъ съ Нелли. Я бросилъ писать Нелли, т. к. и она не пишетъ. Она своимъ молчаньемъ хочетъ уничтожить во мнѣ привязанность къ ней. Она хочетъ действовать на мое самолюбіе.

Въ кругу своихъ товарищъ я хотѣлъ забыться, въ ихъ кутежахъ я думалъ и себѣ затуманить голову, забыть всѣ эти идеалы, т. к. отъ нихъ становится больно. Но въ этихъ кутежахъ нѣтъ красоты; только остается въ душѣ что то темное. Слушаешь клятвы въ дружбѣ, видишь подѣлу, любовь; на брудершафтъ говорятъ добрыя слова. А завтра не хотятъ смотрѣть другъ другу въ глаза, боясь сознаться въ томъ, что они одну минуту были чуть искренними. Да и то эта минута создана виномъ. И стыдятся они не того, что вчера пили, а того, что прорвалась частичка ихъ внутренняго „я“, что показали свою „слабость“.

V.

Во время великой отечественной войны онъ ушелъ добровольцемъ. Дав-

но ли—2 года тому назадъ—онъ такъ возмущался балканскими войнами, никакъ не могъ понять этой грубой силы, человѣкоубийства въ XX вѣкѣ. Его общее міросозерцаніе не позволяло спокойно смотрѣть на систематическое уничтоженіе двухъ армій, двухъ народовъ. И Гаршиновская идеология все чаще проскальзывала въ его словахъ. Уничтожить зло, вырвать красный цвѣтокъ—это олицетвореніе крови,—создать жизнь культурныхъ людей, а не давать мѣсто праву силы, праву оружія и техники. Но, если балканскія войны возмущали его, то германская война окончательно заставила измѣнить свой взглядъ на культурность XX вѣка. Звѣрства въ Калишѣ, разрушеніе Лувена, бомбардировка Реймского собора сказали свое вѣское слово: чтобы сберечь культуру, нужно уничтожить вандаловъ, нужно ихъ „колоть и рѣзать, какъ бѣшеныхъ собакъ“. Для защиты свободы своей родины и свободы развитія всего человѣчества, нужно сокрушить силу германского милитаризма.

„Нелли! Ты плакала. Я видѣлъ твои слезы; ты плакала, когда я лежалъ присмерти. Твое доброе сердце не могло вынести больше: ты бросила притворство, ты сдѣлалась опять доброй и милой Нелли. Ты приносила мнѣ цвѣты—и бѣлые, красные и фиолетовые левкои одурманивали меня, глаза мои закрывались; я думалъ о томъ, какъ я счастливъ. Грудь болѣла у меня, но я не чувствовалъ огня, не чувствовалъ боли. Моментами я погружался въ то состояніе, когда не знаешь — сонъ ли это, дремота, или просто душа разстается съ тѣломъ. Я зналъ, что ты придешь зав-

тра, послѣ завтра, пока я здѣсь. И я буду спокойно слушать тебя, какъ раньше; какъ въ то время—все по старому; ничего не было раньше.

Ужасы войны покрылись чѣмъ-то туманнымъ. Какая противоположность: здѣсь розы, цвѣты, а тамъ.... кровь, грохотъ орудій, свинецъ, несущій смерть.... Но это было сномъ, долгимъ сномъ. Теперь же все будетъ иначе: теперь—новая жизнь.

Освобожденные народы Австріи вздохнутъ, соединившись съ Россіей; настанетъ время конференцій, когда никакое оружіе не будетъ висѣть надъ мирнымъ человѣкомъ, когда средства народа перестанутъ быть средствами убийства.

VI.

Въ небольшой комнаткѣ мы сидимъ за столомъ. Онъ пьетъ чай, а я читаю ему. Его лицо блѣдное, онъ слушаетъ, удерживая стонъ. Но прорывается что-то смутно, хотя онъ и старается скрыть боль и стучать неловко ложечкой о стаканъ. Я бросаю книгу, усаживаю его въ мягкое кресло, придвигаю ему стаканъ. Онъ просить читать, онъ говоритъ, что хочетъ знать какъ можно больше. По цѣлымъ днямъ онъ читаетъ самъ, а вечеромъ приходитъ ко мнѣ. Я обычно уже возвращаюсь къ этому времени съ курсовъ и отдаю ему эти вечера. Мы часто споримъ. Такъ, прочитавъ „Юность“ Чирикова онъ возненавидѣлъ Калерію, онъ упрекалъ меня въ томъ, что я считаю Калерію красивой. Онъ никакъ не могъ согласиться, что Калерія—эта настоящая шопенгаузовская женщина—(онъ такъ ее называлъ)—можетъ быть красивой. Гдѣ же эта красота? Въ чёмъ? Приводились героини романовъ Стриндберга, главы

изъ Шопенгауэра.... А когда онъ доходилъ до своихъ впечатлѣній, мнѣ приходилось тушить разгоравшійся пожаръ, т. к. почва воспоминаній, его собственныхъ воспоминаній, была такъ опасна.

* * *

Поѣздъ уноситъ пасъ изъ Петрограда. Высокія деревья, стройныя сосны, сосны безъ конца. Озера, болота, озера. Чёрные избы вдали. Поѣздъ то поднимается такъ, что дома видны гдѣ-то внизу, то идетъ такъ низко, что въ окно вагона заглядываетъ низъ стволовъ. Дороги направо, налево отъ полотна убѣгаютъ куда-то и вездѣ по ихъ сторонамъ цѣлый рядъ бѣлыхъ симметрично-расположенныхъ камней. Онъ читаетъ „Оводъ“. Переломъ въ религіи Артура заставляетъ его задуматься. Вспоминается то время, когда сверхъестественное имѣло власть надъ нимъ; когда онъ былъ религіозенъ. Но наступила минута и подчиненія Высшему не стало. Моментъ одиночества, безъ всякой поддержки свыше, казался въ первое время ужаснымъ. Это было давно: еще передъ войной.

* * *

На югъ. Любимся цвѣтами, ходимъ въ лѣсъ, какъ когда-то. Снова смѣнемся, читаемъ. Но теперь читаю я. Уже не бѣгаю по оврагамъ, не рву цвѣтовъ. Правда, и теперь иногда его шляпа бываетъ увита синенькими васильками, но и онъ и я чувствуемъ, что это не то, не прежнее. Весь вѣнокъ на его шляпѣ говоритъ о жалости, о внутренней боли. Это—тѣ цвѣты, которыми „украшаютъ“ все дорогое намъ. Такъ мать ставить въ комнату уѣхавшей дочери букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, такъ убираетъ цвѣтами старикъ портретъ своего умершаго сына,

такъ даримъ цвѣты мы тѣмъ, кто оставляетъ надолго насъ. При одномъ взглядѣ на подобный букетъ у васъ сжимается сердце, вы чувствуете, что это не подарокъ изъ-за любви къ красотѣ, изъ-за желанія доставить только пріятное, а—символъ боли того, кто даетъ; символъ скрытой боли...

И вмѣсто того, чтобы вспоминать прошлое съ радостью, вмѣсто того, чтобы думать: опять мы здѣсь, какъ прежде,—намъ обоимъ хочется уйти въ дѣйствительность, читать, говорить то, что сейчасъ насъ трогаетъ. Я читаю: „человѣкъ великъ именно тѣмъ, что онъ есть мостъ, а не цѣль; за что можно любить человѣка—такъ это за то, что онъ есть переходъ и погибель. Я люблю тѣхъ, кто не умѣеть жить. Они погибающіе потому, что переходятъ мостъ... Я люблю тѣхъ, кто не ищеть за звѣздами основанія для того, чтобы погибнуть и стать жертвой, но приносить себя въ жертву землѣ, для того, чтобы она нѣкогда принадлежала сверхчеловѣку. Я люблю тѣхъ, кто живеть для познанія и кто хочетъ познавать для того, чтобы когда-нибудь стать жить сверхчеловѣкъ: такимъ образомъ онъ хочетъ своей гибели. Я люблю того, кто не оставляетъ для себя ни капли духа, но весь хочетъ быть духомъ своей добродѣтели; тогда онъ переходитъ мостъ, какъ духъ. Я люблю того, кто смотритъ на свою добродѣтель, какъ на влеченіе, судьбу; въ такомъ случаѣ онъ хочетъ ради своей добродѣтели жить и не жить болѣс“. Слова Ницше звучать, какъ музыка „Я люблю того, у кого золотыя слова предшествуютъ его дѣламъ и кто все же исполняетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ, потому, что онъ хочетъ своей гибели... Я люблю того, чья душа остается глу-

бокой даже и при тяжелой ранѣ и кто можетъ погибнуть отъ самаго ничтожнаго событія въ жизни; тогда онъ охотно переходитъ мостъ. Я люблю того, у кого свободны умъ и сердце; тогда голова его является внутренностью его сердца, а сердце влечетъ къ гибели..."

VII.

Онъ уѣзжаетъ съ родными въ Крымъ. Тамъ онъ пробудетъ мѣсяцъ, а затѣмъ вернется сюда, ко мнѣ. Въ Петроградъ ему вѣхать уже нельзя, и я не знаю, какъ мнѣ быть. Мнѣ необходимо на курсы и въ то же время нельзя его бросить; его—такого больного и умирающаго. Да! это ясно! Послѣ раны въ грудь онъ чувствуетъ себя все хуже и хуже. А послѣдній годъ въ Петроградѣ совсѣмъ сломило его силы. Поѣздка въ Крымъ должна укрѣпить его здоровье.

На палубѣ парохода видѣлась я съ нимъ въ послѣдній разъ. Разговоровъ не было. Въ эти минуты съ одной стороны тоскливо на душѣ, а съ другой ждешь, когда это прощанье окончится. И только послѣ спрашиваешь себя, почему все произошло такъ скоро, почему еще на одно мгновеніе нельзя было остановиться, посмотреть другъ другу въ лицо, сказать еще нѣсколько словъ...

Онъ наклонился къ моей рукѣ. Я прижала его голову къ груди и попѣловала. Въ первый разъ за всѣ годы нашего рокового знакомства мы дружески поѣловались. И казалось, что этотъ поѣлуй выросъ изъ нашего предчувствія, онъ связалъ насъ общей мыслью; онъ былъ прощеніемъ, любовью, дружбой, прощеніемъ. И не будь его, этого рокового поѣлуя, я не знаю, могла ли бы я теперь писать о его жизни.

* * *

Вотъ выдержки изъ его послѣдняго письма, написаннаго передъ смертью. „Дорогая Нелли! Вся жизнь моя, вѣрнѣе все приготовленіе мое къ жизни, отразилось въ моихъ къ тебѣ письмахъ. Вотъ и сейчасъ чувствую, что врядъ ли смогу когда нибудь тебя видѣть, даже тебѣ написать. Это будетъ мое послѣднее письмо... „Жить“ не пришлось мнѣ, не пришлось подтвердить свои слова на дѣлѣ. Да и не знаю, смогъ ли бы я жить согласно тѣмъ „теоріямъ“, которыя я создалъ. Вѣра въ людей у меня была подорвана; пересталъ я считать интересы другихъ за интересы, добро другихъ за добро. Представленія мои и ихъ о вещахъ самыхъ простыхъ—различны... Не самъ человѣкъ создаетъ себя, а его создаютъ. На этой *tabula rasa* пишутъ всѣ тѣ, кто встрѣчается съ нимъ. И работа души состоитъ въ томъ, чтобы создать изъ разнорѣчиваго нѣчто отрадное, создать цѣлый рядъ своихъ жизненныхъ заповѣдей. Эта грандіозная работапроисходитъ въ то время, когда говорятъ о переломѣ. А если затѣмъ и мѣняются немного заповѣди—то все же переходъ отъ стараго къ новому не будетъ переломомъ. Это будетъ нѣчто согласованное, постепенное и потому не острое. Если же запись такая, что разнорѣчивое такимъ и остается, если душа не можетъ сравнять слишкомъ глубокіе слѣды, написанные безжалостными, неловкими окружающими, то происходитъ нѣчто ужасное: душа ранена. А тогда—издерганность и неустойчивое равновѣсіе. Тогда слезы, хватаніе за идеалы и вопросы. Я искалъ отвѣта на вопросы: какъ жить, для чего, среди какихъ людей, какие должны быть люди и какимъ долженъ быть я? Но ни Толстой, ни Ницше, ни другія мыслители—не дали

мнѣ этого отвѣта. Сопоставляя двѣ крайности „Въ чемъ моя вѣра“ и „Генеалогію морали“ я увидѣлъ, что цѣнность идеала субъективна, сама истина — можетъ быть и не истинной; наука, религія, этика—условны, зависятъ отъ насъ самыхъ и нами опредѣляются.

Ницше открылъ мнѣ глаза на тѣ добродѣтели, о которыхъ говорятъ другіе; да и я говорилъ раньше. И потому милое добродѣтельное стало для меня позднѣе, послѣ моихъ размышленій— недобродѣтельнымъ; а иное, бывшее отрицательнымъ — сдѣжалось устойчивымъ и необходимымъ. Я увидѣлъ ясно, какъ наши идеалы, мечты, нами фабрикуются, что ничего вышаго нѣтъ; я увидѣлъ во всемъ—человѣческое, слишкомъ человѣческое. Послѣ этого оставалось или бросить дальнѣйшія размышленія, т. е. жить какъ люди живутъ, (какъ собирался жить Жадовъ), или создавать свою теорію, вести дальше

идей Ницше, очистивъ ихъ отъ безумныхъ преувеличеній, давъ имъ истины христіанства. Это—среднее между двумя крайностями было бы опять субъективнымъ, моимъ, только моимъ...

„Судьба избавляетъ меня отъ дальнѣйшихъ теорій“.

... Въ тѣ минуты, когда смерть прекращала его душевные муки вмѣстѣ съ физической болью, я сидѣла въ глуши сада и смотрѣла на объятая темнотою кусты розъ, на деревья; но не могла забыться, не могла мечтать. Эта наступавшая ночь давила меня, вѣтеръ несъ мнѣ послѣдніе вздохи умирающаго, нашептывалъ мнѣ великия слова: „Я люблю всѣхъ тѣхъ, которые походятъ на тяжелыя капли, отдельно падающія изъ темныхъ тучъ, висящихъ надъ человѣкомъ; онѣ возвѣщаютъ приближеніе молніи... и погибаютъ провозвѣстники“.

Нелли.



* * *

Шелохнутъ-ли березы въ тиши
Ароматною, легкой листвой,
Отзываются въ нѣдрахъ души

Голосъ твой.

* * *

И надъ книгой забывшись едва,
Я на томъ себя часто ловлю,
Что мнѣ видятся только слова:
Я люблю.

Тамана Б.

и чьео ато ажнане о єши. И неди
ни то ажнане о єши. И неди

ајд вака то по Скакано. О лотъ танк
етъ и "вфа ком амёриш" и зовыца
* * * И д'ти ссадна (к) "спаций" підовез
и пози вори на пітава (к) вівів вітко

Красиво, радостно и смѣло
Летить надъ бездною пилотъ.
Аэропланъ, какъ лебедь бѣлый,
Свершаетъ царственный полетъ...
Вы, побѣдители стихіи
И дѣти солнца, вамъ привѣтъ—
Какъ солнце—вѣчно молодые,
Какъ солнце, ждущіе побѣдъ!
Смерть и опасность презирая,
Завоеватели высотъ,
Великимъ духомъ воспаряя—
Вы гордо движетесь впередъ.
Вы завоюете свободно
Намъ недоступную лазурь,
Паря орлами благородно
И не страшась вѣтровъ и бурь.
Но есть предѣль дерзаній смѣлыхъ.
И не допустить вѣчный Богъ,
Чтобъ человѣкъ на крыльяхъ бѣлыхъ
Нести войну и мщенье могъ;
Чтобъ небо, ясно-голубое,
Онъ злодѣяньемъ омрачалъ,
И въ гнѣвѣ солнце золотое
Братоубійствомъ запятналъ.
Летя въ небесную дорогу,
Въ душѣ гаси мечту о злѣ
И приближайся духомъ къ Богу,
Оставивъ звѣрства на землѣ.

A. C.



Деревенские педагоги.

Александръ Дроздовъ.

Ждали нового инспектора. Носились слухи, что онъ безмѣрно строгъ, грубъ и придирчивъ, при разговорѣ брызжетъ слюной и въ особенности не любить учительницъ. Ввиду послѣдняго обстоятельства Клавдія Петровна, моло-денькая, но выцвѣтшая блондинка, учителствующая всего первый годъ, внезапно почувствовала себя несчастной, начала метаться по классу и ежеминутно сжимала виски своими тонкими полумужскими пальцами. Учитель Федоръ Игнатычъ, съ которымъ она уже мѣсяцъ была въ ссорѣ, хотя и чувствовалъ, что гдѣ-то внутри, немного ниже сердца, начинаетъ расти знакомое ощущеніе страха, однако, считалъ нужнымъ скрывать его отъ Клавдіи Петровны, напустилъ на себя необычную суровость, и глядѣлъ хмуро и сердито, точно не инспектора, а его самого ждали сегодня въ этой школѣ. Они вышагивали каждый въ своемъ классѣ передъ цвѣтникомъ напуганно-выжидалельныхъ дѣтскихъ лицъ, томящіеся, взвинченные, и оба отвертывали головы, когда въ дверяхъ, расположенныхъ другъ противъ друга, неожиданно встрѣчались ихъ взгляды.

— Когда пріѣдетъ, встаньте всѣ сразу,—въ сотый разъ, обращаясь къ ученикамъ, повторяла Клавдія Петровна,—и если спросить, стоять тоже прямо, отвѣтить ясно и громко, не оглядываться. Кто не знаетъ „Птичку Божію“, подучите сейчасъ. Ты, Мишка, знаешь?

— Чаво?

Что дѣлаетъ инспекторъ въ селѣ? Кто изъ деревенскихъ учениковъ знаетъ? Извѣстно, что онъ изъ города, и что онъ не учитель, а, въ концѣ концовъ, Богъ знаетъ что. Поэтому всѣ новые инспектора казались страшными и грубыми, и въ каждомъ видѣлась признанная власть оскорбить, надругаться или вытолкнуть на улицу. И всякий разъ,

— Онъ Клав.—Петровна, не училъ.
— Молчи, съ тобой не разговаривають. Ты что же это, Мишка, опять за старое? Дождешься вотъ, скажу отцу. Отецъ-то по своему справится.
— Я, Клав.—Петровна, училъ...
— Главное, ребята, не пугаться. Здоровайтесь хоромъ.

Въ классѣ Федора Игнатыча сидѣли тихо. Самъ онъ методично ходилъ изъ угла въ уголъ, отъ шкапа съ книгами до доски и отъ доски до шкапа съ книгами, сосредоточенно молчалъ и теребилъ пальцами клинообразную бороду. Много инспекторовъ перевидѣлъ на свое вѣку Федоръ Игнатычъ; были среди нихъ и грубые, кричащіе и топающіе ногами, были деликатные, съ мягкими выхоленными манерами, говорившие на прощанье: „очень прекрасно и даже великолѣпно; образовая постановка дѣла, а главное, уважаемый, любовь и преданность, преданность и любовь“. А одинъ, особенно памятный, изъ семинаровъ, на замѣчаніе Федора Игнатыча, что въ среднемъ отдѣленіи дробей не проходятъ, затопалъ ногами и при всѣхъ ученикахъ сказалъ, что его, Федора Игнатыча, самого нужно посадить въ среднее отдѣленіе и что онъ не учитель, а, въ концѣ концовъ, Богъ знаетъ что. Поэтому всѣ новые инспекторы казались страшными и грубыми, и въ каждомъ видѣлась признанная власть оскорбить, надругаться или вытолкнуть на улицу. И всякий разъ,

когда пріѣзжало начальство, всѣ эти славные, курчавые, темноволосые и бѣлобрысые ребята—дѣвченки въ разноцвѣтныхъ платочкахъ и съ всклокочеными головами мальчишки—изъ дѣтей вдругъ превращались въ невольныхъ и опасныхъ враговъ, способныхъ на всякия неожиданности...

Снаружи скрипнула входная дверь и лица всѣхъ, находившихся въ школѣ, насторожились и вытянулись. Одновременно изъ обѣихъ дверей выбѣжали Клавдія Петровна и Федоръ Игнатычъ, и оба, словно забывъ о ссорѣ, взглянули другъ на друга взглядами, въ которыхъ не было враждебности, и выжидательно остановились у входа.

Вошелъ батюшка.

— Пріѣхалъ?

— Не пріѣжалъ еще,—мрачно отвѣтилъ Федоръ Игнатычъ, стараясь показать голосомъ, что ему въ высшей степени безразлично, батюшка-ли это вошелъ сейчасъ, или инспекторъ.

— И не скоро?

— Кто-жъ его знаетъ—сказала Клавдія Петровна. О. Василій держался строжайшаго нейтралитета, и поэтому ему можно было свободно высказывать всѣ опасенія.

— Какъ вы думаете, строгъ?—спросила она, втаскивая о. Василія въ свой классъ.

— Не знаю, родимая, не знаю.

— Говорятъ, учительницѣ не любить.

— Коли есть за что, то и полюбитъ.

А вы, батюшка, если что не такъ, заговорите его. Ну... про потолокъ, что ли. Онъ, кстати, надъ образами протекаетъ.

— О. Василій,—позвалъ изъ своего класса учитель.

— Что?

— Сказывали мнѣ въ городѣ,—на-

рочно громко и зло крикнулъ Федоръ Игнатычъ,—что онъ бабій поль изгоняетъ по всему участку. Такъ оно, о. Василій, можетъ и къ лучшему?

— Ну, зачѣмъ-же,—примиりтельно говорилъ о. Василій, повертываясь къ учительницѣ и виновато улыбаясь,—вонъ въ заграницахъ нонъ женщины даже студентовъ учатъ.

Клавдія Петровна почувствовала себя обиженнной. На глаза набѣжали слезы и она, пряча ихъ отъ батюшки и отъ класса, отвернулась къ стѣнѣ.

— Эхъ, ужъ и расплакалась, родимая,—сокрушенно сказалъ о. Василій,—поди-жъ ты съ нимъ, съ брехуномъ старымъ.

— Главное, о. Василій, это то, что онъ при всѣхъ такъ. На селѣ вонъ и то говорятъ, что у меня защитника нѣть.

— А ты, родимая, потерпи. Поплачь и потерпи. Онъ вотъ злобствуетъ, а, сама знаешь, злобное сердце къ добру не приведетъ. Такъ-то-съ.

Потомъ о. Василій перешелъ къ Федору Игнатычу. Учитель взялъ его подъ руку и, наклоняя обросшее лицо къ батюшиному уху, тихо и раздѣльно произнесъ:

— А то, о. Василій, что онъ съ учительницами жестокъ, такъ я этому очень даже радъ. Пусть присылаютъ учителя. Съ Иванъ Еремѣичемъ, слава Богу, семь лѣтъ жили безъ грѣха. А этой вонъ и въ обращены я грубъ, и на лѣстницѣ воняетъ. И съ женой у нихъ каждодневныя исторіи.

— Оно конечно,—согласился о. Василій,—ежели принимать во вниманіе, то женскій полъ такъ и будетъ всегда женскій полъ. По попадь сужу.

— И ежели господинъ инспекторъ спросятъ, какъ, моль, новая учительница, удовлетворяетъ ли потребностямъ,

такъ я ужъ васъ прошу, о. Василій, скажите, что не удовлетворяетъ.

О. Василій промолчалъ и законфузился... Минуты ожиданія стали томительнѣй, и ребята, непривыкшіе долго сидѣть молча, начинали шумѣть, несмотря на окрики, раздававшіеся поперемѣнно то въ одномъ, то въ другомъ классѣ. О. Василій каждого заставилъ повторить вслухъ молитву передъ учениемъ, потомъ послѣ ученія и, наконецъ, еще разъ преподалъ, какъ нужно сидѣть и отвѣтить инспектору, какъ соблюдать тишину и не бояться. Клавдія Петровна замѣтно поблѣднѣла и стала интереснѣй.

Наконецъ, заскрипѣли полозья, и передъ окнами школы промелькнули широкія инспекторскія сани. Инспекторомъ оказалась фигура, вылѣзшая изъ саней при помощи ямщика и съ головы до ногъ укутанная въ теплый, широкій тулупъ.

— Лошадей къ попу, что-ли? — спросилъ ямщикъ.

— Къ попу, къ попу, — радостно засуетился о. Василій, — вези прямо къ попу. На кухнѣ Аринѣ скажи, чтобы водочки поднесла. Оно съ дороги-то не вредно.

О. Василій радостно и благоговѣйно пожалъ инспекторскую руку. Въ коридорчикѣ, раздѣляющемъ классы, инспекторъ сталъ разоблачаться. Изъ подъ тулуна выглянуло теплое ватное пальто, заnimъ шерстяной платокъ, и послѣ уже представила настоящая фигура инспектора, тоненькая и стройная, словно у юноши. Лицо у него было немолодое, но чрезвычайно подвижное, и бойкіе выразительные глаза непрерывно бѣгали съ предмета на предметъ, точно не могли успокоиться.

— Обѣзжаете, такъ сказать, епархію? — улыбнулся о. Василій.

— Да... Но дико холодно, доложу я вамъ. Инспекторскій трудъ имѣть свои терпнія. Откровенно говоря, я еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ.

— Пожалуйте ко мнѣ? — предложилъ Федоръ Игнатычъ, открывая двери своего класса и приглашая рукой войти.

— Да, если угодно... Хотя, лучше къ вамъ? — выразительно сказалъ инспекторъ, остановивъ на Клавдіи Петровнѣ свои бѣгающіе глазки.

Вошли. Ребята неловко и шумно встали.

— Здравствуйте, дѣти, — сказалъ инспекторъ.

— Здравія желаемъ!

— Зачѣмъ такая военщина? — обращаясь къ Федору Игнатычу, недовольно протянулъ инспекторъ, — надо проще, проще. У васъ невоенное училище, надѣюсь. Вы согласны со мной?.. простите...

— Клавдія Петровна, — вставилъ о. Василій.

— Да, Клавдія Петровна... Вы согласны со мной? я противникъ лишней крикливости, шума... какъ это? — шумимъ, братцы, шумимъ... Ну-съ, чѣмъ же мы сегодня занимаемся?

Отвѣчали дѣти робко, застѣнчиво, но безъ запинки. Въ критические моменты о. Василій былъ незамѣнимъ: онъ улыбался, дѣлалъ страшные глаза, которыхъ ребята пугались больше инспектора, но въ результатѣ дѣло сошло гладко. Когда инспектору что-нибудь не нравилось, онъ принималъ скучающее выраженіе, вздыхалъ и говорилъ, обращаясь къ Федору Игнатычу:

— Это у васъ не совсѣмъ твердо, рекомендую обратить вниманіе... Текстъ стихотворенія истолкованъ не вполнѣ ясно. Проще надо, проще, проще.

Федоръ Игнатычъ становился сосредоточеннымъ, покачивалъ въ тактъ инспекторскимъ словамъ головой и пожималъ плечами, точно былъ отчасти согласенъ, но отчасти и нѣть.

По окончаніи урока инспекторъ пожалъ учащимъ руки и сказалъ, останавливая на Клавдіи Петровнѣ бѣгающіе глаза:

— Я, господа, ревностный поборникъ женского движенія. Женщина всюду умѣеть внести нужную долю теплоты, задушевности, умѣеть смягчить сухую офиціальность, привить любовь къ дѣлу. Это особенно важно въ нашей работе на нивѣ народной, господа. И я вѣрю, что, при помощи женщины, мы еще выше поднимемъ наше свѣтлое знамя. Жму вашу руку, Клавдія Петровна!

Онъ пожалъ ей руку съ особенной галантной любезностью, которая изобличила въ немъ привычку и многолѣтній опытъ.

Ребята отпустили по домамъ; они выбѣжали крикливой и пестрой толпой, наполнивъ улицу хохотомъ и визгомъ и быстро разсыпались въ разныя стороны.

— Надѣюсь, вы раздѣлите со мной гостепріимство о. Василія? — спросилъ Клавдію Петровну инспекторъ.

— Радъ, радъ, душевно радъ, — улыбнулся о. Василій. — А вы, Федоръ Игнатычъ? Идемте, идемте — какъ же такъ? У меня окорокъ новый не начать, а, главное, такой рѣдкій случай.

Изъ школы отправились съ такимъ разсчетомъ, чтобы впереди, рядомъ, шли инспекторъ и Клавдія Петровна, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ учитель съ о. Василіемъ. Федоръ Игнатычъ сердито тряслъ бородой и усердно спотыкался, браня нерасчищенную тро-

пинку, по которой прежде, однако, умѣль ходить свободно.

— Хе-хе, Федоръ Игнатычъ, — лепеталъ о. Василій, — вотъ вамъ и слухи, вотъ вамъ и гонимый женскій полъ. Конечно, одинъ Богъ на переджи-то видитъ.

— Инспекторъ! — иронически протянулъ Федоръ Игнатычъ, — ишь,увивается! Нива народная, свѣтлое знамя!.. Ну, и начальство пошло. Да ты, коли недоволенъ, замѣть, ну, и обругай при случачѣ, а зачѣмъ же явное предпочтѣніе? Обидно даже.

Толстая, дородная попадья, напоминающая сдобный пирогъ, угостила инспектора отмѣнной деревенской кулинаріей. Оказалось, что инспекторъ не прочь былъ и выпить; онъ долго и убѣдительно говорилъ объ эманципації, о своей вѣрѣ въ какую-то новую грядущую эру, когда свѣтъ знанія озарить всю Россію, отъ дна до верха, и когда женщина сбросить позорные цѣпи мужскаго рабства. Изъ всего потока безудержныхъ сентенцій, то искрящихся цѣльмъ фейерверкомъ фигуральныхъ выраженій, то путающихся въ пьяномъ лепетѣ, можно было понять только, что инспекторъ любить сельскихъ учительницъ. О. Василій слушалъ и улыбался, ежеминутно подбирая рукава рясы, чтобы удобнѣй было угощать выпивающее начальство. Федоръ Игнатычъ, захмелѣвъ, окончательно впалъ въ пессимизмъ, пытался что-то возразить, говоря: „смѣю обратиться къ вашему благосклонному вниманію“, или: „пребывая, конечно, на низшей, такъ сказать, ступени, я, однако“... но языкъ не слушался и гораздо краснорѣчивѣй говорили его оскорбленные глаза. Оратствовалъ одинъ инспекторъ. Его голосъ, немного надтреснутый, но еще

пріятный, ударяясь о низенькія стѣны поповской горенки, напоминалъ нудное жужжанье большого шмеля.

Скоро онъ совершенно опьянѣлъ.

— Говорять, что я—инспекторъ по протекціи, но, господа, я утверждаю, что совершенно напротивъ. Я преданъ своимъ обязанностямъ, какъ собака, и пусть, господа, это послужить мѣриломъ, такъ сказать, моей трудоспособности и добросовѣстности. Клавдія Петровна, а? я справедливъ въ вашихъ милыхъ и красивыхъ глазахъ?

Скоро онъ началъ говорить пошлости. О. Василій переглянулся съ попадьей и сказалъ заискивающе:

— Не угодно-ли Иванъ Дмитріевичъ, отдохнуть? Дорога-то дальняя, утомительная дорога. У меня же тихо, покойно и никто не обезпокоитъ. Извольте пожаловать. Тогда всѣ поднялись и пожелали инспектору мирнаго сна. Федоръ Игнатичъ ушелъ первымъ, чтобы до школы не ити вмѣстѣ съ Клавдіей Петровной. А о. Василій, оставшись съ женщинами наединѣ, лукаво хихикнулъ и потеръ рукой обѣ руку:

— Проехало! Съ нимъ нужно, какъ воскъ, и все хорошо будетъ. А вы, Клавдія Петровна, молодцомъ у насъ, молодцомъ! То-то, родимая. А еще говорили: защитника нѣтъ. Нашелся, ягодка, и на-адежный...

—

Вечеромъ инспекторъ поднялся съ головной болью, хмурый, недовольный и разстроенный. На предложеніе остаться переночевать—промолчалъ, и о. Василій, растерявшись, не зналъ, съ какой стороны ему растаять.

Подали лошадей.

— Скажите тамъ вашему учителю, что онъ не на высотѣ,—недружелюбно

промычалъ инспекторъ.—Самъ я забылъ тогда...

— А учительницѣ?—испугался о. Василій.

— Учительницѣ?

— Она здѣсь!—угодливо хихикнулъ батюшка, вдругъ загораясь весь свѣтлой улыбкой,—я не отпустилъ, думаю, можетъ Иванъ Дмитріевичъ на вечерокъ останутся, такъ поговорятъ съ нею на всевозможныя темы...

Инспекторъ досадливо повелъ головой.

Выглянула Клавдія Петровна, даже пришелъ изъ школы Федоръ Игнатичъ. Онъ еще не проспался и, колеблясь на нетвердыхъ гнутыхъ ногахъ, смотрѣлъ попрежнему сурово и нелюдимо:

— Можетъ, сѣнца подложить?—спрашивалъ батюшка, поеживаясь отъ вечерняго морозца и перемѣни обстоятельствъ,—у меня Арина мигомъ.

— Бросьте, отецъ.

— А водочки, для согрѣваньяца? Путь зимній...

— Бросьте.

— Въ школу заглядывайте, нась не забывайте, — буркнулъ Федоръ Игнатичъ.

— Чего-съ?

— Насъ не забывайте, говорю.

— Эт-то что же т-такое? дерзость?—недоумѣнно поднялъ брови инспекторъ.

О. Василій растерянно взмахнулъ руками.

— Это онъ такъ, онъ пьяненький...

— А если пьяненький, то не мѣсто ему и въ школѣ. У меня, знаете ли, не то, что у предшественниковъ, у меня будетъ строго. Смотрите.

Ямщикъ неуклюже куталъ рогожей инспекторскія ноги. „Плотнѣй, плотнѣй!“—сутился о. Василій и смотрѣлъ кругомъ испуганно и жалко.

— А что касается до учительницы,— внезапно, съ пьяной рѣшимостью проговорилъ Федоръ Игнатычъ,—такъ ужъ лучше учителя. Бабы онъ и есть бабы, и вы, Иванъ Дмитріевичъ, это напрасно.

— Молчать!—крикнулъ инспекторъ,— молчать! Съ кѣмъ говорите? Мужикъ!

Лошади дернули и, разбрасывая комья снѣга, понеслись широкія инспекторскія сани. Изъ подворотенъ черными шарами выкатились деревенскія шавки и залились визгливыми, простуженнымъ лаемъ.

Федоръ Игнатычъ постоялъ, поглядѣль вслѣдъ и, покачнувшись, повернулся къ школѣ. Онъ былъ оскорблѣнъ, и въ душѣ его происходила драма.

— Человѣческая гордость,— вздохнулъ о. Василій,—человѣческая гордость и неразумѣніе. Да развѣ можно такъ съ инспекторомъ? Ай-же ай, какъ неосторожно!

На другое утро всѣ трое занимались въ школѣ. И, переходя изъ класса въ классъ, о. Василій выслушивалъ надѣвшія жалобы.

— Минь не то обидно,—плакала Клав-

дія Петровна,—что онъ на меня злится, а то, что не стѣсняется при всѣхъ, даже при инспекторѣ такъ грубо относиться.

— Плохо, плохо, родимая; мужская-то грубость всѣмъ извѣстна. Богъ, вотъ, взыщетъ, со всѣхъ взыщетъ.

А Федоръ Игнатычъ, затачивъ о. Василія на свою половину, говорилъ сердито и недружелюбно:

— Нѣть въ людяхъ справедливости. И въ инспекторѣ нѣть справедливости. Учишь, учишь, бѣешься, бѣешься, и всего-то тебѣ награда, что— „мужикъ!“ Самъ знаю, что мужикъ. Будешь мужикъ, коли на шеѣ у тебя зуда плаксивая. У, ироды!

— Ох-ох!—вздыхалъ о. Василій, одинаково участливый и одинаково равнодушный,—женскій полъ, извѣстно — одно мокрое мѣсто, ни прибыли съ него, ни убытка. Такъ, существуетъ себѣ... Истинно-съ!..

На дворѣ шель снѣгъ, и всеказалось мертвымъ отъ бѣлой пелены, налегшей кругомъ,

* * *

Ты не нашей будничной страны —
У тебя русалочьи глаза,
Въ нихъ играютъ, словно бирюза,
Переблески трепетной волны.
У тебя тревожно-зыбкій взглядъ —
Имъ глядитъ мистическая ночь,
Ты русалочья задумчивая дочь
И сестра тоскующихъ наядъ.
Какъ и ты, я въ мірѣ одинокъ,
Какъ и ты, безъ отклика грушу
И душой разсѣянной ишу
Тишину задумчивыхъ осокъ.
Мы таимъ ласкающіе сны,
Но у насъ холодные глаза —
Въ нихъ играютъ, словно бирюза,
Переливы трепетной волны.

Д.

Воронъ.

Вѣщій воронъ сѣлъ на крышу.

Воронъ—слышу, вѣщій—слышу

Сквозь туманное окно.

Мнѣль, покинутой невѣстѣ,

О родномъ не жаждать вѣсти?

Ты же каркаешь темно.

* * *

День и ночь все буду ждать я,

Про себя шептать заклятья:

Воронъ вѣщій—сбереги!

Я прошу о немъ у Бога,

У раскрытаго порога

Стерегу его шаги.

* * *

Самъ ушелъ въ чужой просторъ онъ,

А со мной остался воронъ,

Воронъ черный, какъ печаль.

День и ночь кричить и бьется,

Тише—сердце разорвется.

Иль покинутой не жаль?

* * *

Будемъ вѣрить: выйдетъ солнце,

Сквозь туманное оконце

Самоцвѣтно заблеститъ.

Будемъ вѣрить, что вернется...

Воронъ плачетъ, воронъ бьется,

Воронъ каркаетъ: убить.

Александръ Дроздовъ.



Футляръ или цензура?

Насъ было трое.

— Куда двинемся, хлопцы?

— Айда на Бестужевскія. У дѣвицъ сердце нѣжное и чуткое... Непремѣнно раскупятъ нашъ журналъ!

Дѣло хорошее. На Бестужевскія, такъ на Бестужевскія... Меня кстати и самого очень интересуетъ вопросъ о чуткости и нѣжности дѣвичьяго сердца. Забрали журналъ и двинулись. Дѣло идетъ весело — на трамваяхъ бойко стали раскупать. Такъ бойко, что и по философствовать мнѣ некогда — только успѣвай поворачиваться. Пріѣхали на курсы.

— Двигай, товарищъ, на верхи къ директору за разрѣшеніемъ, а мы съ Мишой внизу постоимъ.

Остались мы съ Мишой и, чтобы не скучать, да и для практики принялись предлагать нашъ журналъ курсисткамъ... Въ директорскомъ разрѣшеніи мы не сомнѣвались.

— Товариши? А разрѣшеніе вы имѣете?

Я огороженъ неожиданностью. Хлопаю глазами и бормочу:

— Какое разрѣшеніе?

— Отъ директора, конечно. Вы не имѣете права продавать въ стѣнахъ зданія безъ разрѣшенія.

— Ахъ, разрѣшеніе!... Я не понялъ немного... За разрѣшеніемъ ушелъ нашъ товарищъ.

Протираю очки... Совершенно не могу понять! Вѣдь это не швейцаръ и не администрація курсовъ, а курсистки!..

Неужели, что-бы купить журналъ имъ нужно разрѣшеніе директора? Пожаль плечами и открываю ротъ — нужно по-разспросить чередомъ. Но ротъ такъ и остался раскрытымъ, ибо:

— Мы не можемъ допустить, что-бы вашъ журналъ продавался здѣсь... Да! Кромѣ разрѣшенія директора нужно еще разрѣшеніе студенческой организації?

Часъ отъ часу не легче!.. Подлетаетъ Миша на выручку.

— Позвольте товарищи! Вѣдь прошлый разъ директоръ разрѣшилъ... Такъ чего-же вамъ еще нужно? А если требуется разрѣшеніе студенческой организаціи... Вы — члены этой организаціи?

Да! послѣдовалъ отвѣтъ.

— Такъ чего-же лучше! Вотъ и разрѣшите!

Я и Миша оба ждемъ. Великолѣпно распутался вопросъ!

— Мы вамъ не разрѣшаемъ.

— Почему?

— Такъ... Не можемъ разрѣшить.

Чортъ знаетъ что такое! Кричу:

— Да намъ и не нужно ваше разрѣшеніе! Разъ директоръ разрѣшилъ — мы будемъ продавать безъ вашего разрѣшенія.

— Директоръ не разрѣшилъ... А если и разрѣшить — мы не позволимъ прода- вать... Пожалуйста уходите...

Ну, ну! Я качаю головой и съ тоскою взираю на мелькающія одежды уходящихъ „цензоровъ“.

... Бѣжитъ товарищъ съ верховъ,
— Директора нѣть, а меня выставили!
Чудеса въ рѣшетѣ!

— Миша! Дуй на верхъ за справками.
Миша уходитъ, а я тру переносицу
и поглядываю, на товарища... Не то
намъ весело, не то плакать хочется.

— Товарищи! вамъ же сказали, что-
бы вы уходили. Чего же ждете?

Что это—формализмъ или особый
пріемъ войны съ вредными направле-
ніями?

— Мы не торгуемъ, а совѣщаемся:
что дѣлать дальше... А если вы не вѣ-
рите—можете поставить сторожа, пока
не уйдемъ.

— Не стоитъ труда!

— Стоить, стоитъ! напиралъ я. А ну,
какъ мы соблазнимся и продадимъ де-
сятка два? Устои вѣдь пошатнутся.

Миша возвращается взволнованный.

— Хоть убей ничего не пойму! Нужно
разрѣшеніе организаціи. Безъ этого
нельзя. Когда же дадутъ разрѣшеніе?
— Васъ извѣстять! Прекрасно! Но можетъ
быть черезъ мѣсяцъ? А журналъ-то
вѣдь еженедѣльный! „Не ваше дѣло“.
Кто же этимъ у васъ завѣдуетъ? Об-
щее собранье? Комиссія? „Не ваше дѣло“.
Дайте мнѣ уставъ вашей организаціи,
я ознакомлюсь съ нимъ? „Не ваше дѣло“.
Нечего тутъ разсосуливать! Идемте.

Мы вышли и... стали продавать у
подъѣзда, на улицѣ... Тутъ-то ужъ ни-
какая организація не властна!

Въ Петроградѣ я человѣкъ недавній
и къ столичнымъ свычаямъ и обычаямъ
не привыкшій... До этого гулялъ я по
Россіи-матушкѣ, да мечталъ: вотъ моль,
попаду въ Питеръ—новымъ воздухомъ
на меня повѣтъ! Тамъ-то ужъ непре-
мѣнно увижу зачатки новой, грядущей
культуры, о которой давно ужъ болитъ
и тоскуетъ душа человѣка. Иныхъ, сво-

бодныхъ людей увижу я... Львы че-
ловѣчества живутъ тамъ и орлы свободы
его. Вѣдь оттудова, изъ этого прекрас-
наго далекаго, доносятся къ намъ, забро-
шеннымъ въ лѣса дремучіе и безкрай-
ныя степи, вѣщіе голоса...

Даль красить и создаетъ легенды.—
И чудилось: богатыри живутъ тамъ и
пророки... Въ заревѣ загорающагося утра
видѣлись мнѣ полки молодежи... Съ
горящими глазами, съ суровыми и во-
сторженными лицами идутъ они на
встрѣчу восходящему солнцу... Какъ
Щедринскій карась—вы помните его?—
думалъ я: добро восторжествуетъ, все-
непремѣнно восторжествуетъ!.. Даже у
щуки ущупаетъ оно нѣкую струнку
(а въ существованіи струнки я не сом-
нѣвался)—и запоетъ щука хвалу солнцу,
да такъ прекрасно запоетъ, что и со-
ловьи изумятся!.. Да! даль красить и
создаетъ легенды... и карась нарвался...

Насъ собралось немного (и все-ка-
раси)... Пиръ смерти взвинтилъ нась..
Намъ безумно захотѣлось солнца, пѣ-
сенъ ликующаго дня... Ночь и холодъ
современности обострили наши нервы...
Къ воскресенію, къ движенію, къ солн-
цу!—вотъ пущеный нами кличъ къ мо-
лодежи. Довольно рутины, довольно
машинности, довольно узкихъ руба-
шекъ партійного! Живые мы и жить
хотимъ... Мы звали сплотиться и вни-
мателными глазами изслѣдователя при-
смотрѣться къ хаосу современности и
извлечь изъ этого хаоса все, что есть
цѣннаго въ немъ. Мы звали строить
изъ добытаго нами матеріала дворецъ
будущаго... дивный дворецъ, который
бы воплотилъ въ себѣ всѣ грезы ху-
дожниковъ и мечтателей... Уже издавна
борются между собою въ душѣ человѣ-
ческой идея матеріи и идея духа,
стараясь побороть другъ друга. И намъ

казалось, что мы, славяне, и, въ частности, русскіе, своими искальями и мечтаньями, своей непримиренностью съ тѣмъ, что есть, сумѣемъ ликвидировать эту борьбу, сумѣемъ найти синтезъ этой борьбы.

Основывая нашъ журналъ, мы конечно ждали и противниковъ... Да это казалось намъ и хорошимъ—не можетъ одинъ человѣкъ рассматривать міръ со всѣхъ сторонъ—и различныя точки зрења на одинъ и тотъ же предметъ лучше помогутъ его объективації. Кромѣ этого, частная борьба мнѣній (при взаимномъ уваженіи и желаніи войти въ положеніе противника, т. е. при условіи искренняго желанія отыскать истину) поспособствуетъ лучшему пониманію и, можетъ быть, поможетъ разрушить ту стѣну, которая такъ отдѣляетъ одного человѣка отъ другого... Эта стѣна такъ тягостна и невыносима—и сколько погибло отъ тоски и холода одиночества, непонятности и взаимной отчужденности!..

Такъ мы думали... И понятно почему такъ больно меня задѣла вышеприведенная сценка... Я не знаю, что это—канцелярія или участокъ. Но и то, и другое—одинаково скверно. Какъ будешь строить свѣтлый дворецъ, когда

строители его любятъ темноту? Какъ мечтать о свободной жизни, когда тѣ, отъ которыхъ мы ждемъ содѣйствія въ нашихъ стремленіяхъ, загодя пріучаютъ насъ къ футляру формалистики; загодя заявляютъ, что безъ ихъ надзора и разрѣшенія нельзя мыслить, нельзя даже знакомиться съ мыслями, не одобренными ихъ высокимъ авторитетомъ?

Господа! Такъ мы жили и живемъ. Но такъ ли мы хотимъ жить?

Я призываю своей статьей тѣхъ, кто не согласенъ съ нами, бороться честно и при помощи того орудія, которымъ пользуемся и мы, а не прибегать къ приемамъ недостойнымъ свободныхъ людей, искренно желающихъ ити по пути исканій. Такъ я думаю, товарищи. И я увѣренъ, что только искреннее, хорошее и честное отношеніе, какъ другъ къ другу, такъ и къ идеѣ поможетъ намъ разобраться въ хаосѣ и безтолочи жизни... Думайте, ищите, созидайте и пишите. И если искренни вы въ вашихъ выявленіяхъ и не ломаетесь—я увѣренъ, что новое, котораго мы такъ жаждемъ, народится и журналъ будетъ и оригинальнымъ и разнообразнымъ.

И. Лебединовъ.



Исповѣдь редактора.

(Продолженіе).

VII.

Быть редакторомъ не такъ плохо и скучно, какъ казалось мнѣ почему-то вначалѣ.

Правда, я больше утомляюсь, трачу массу энергіи и вѣроятно поэтому вмѣсто одного, какъ полагается, съѣдаю два и три обѣда, но тѣмъ не менѣе быть редакторомъ весьма весело и полезно.

Напримеръ, у меня ежедневно, по вечерамъ, собирается много народа,— студентовъ и не студентовъ; среди нихъ есть люди серьезные, попадаются и чудаки, а съ чудаками, какъ известно, гораздо веселѣе. Получаю ежедневно много писемъ—съ марками и безъ марокъ—за послѣднія приходится доплачивать, что, впрочемъ, не совсѣмъ весело,— получаю письма со статьями и безъ статей; получаю письма со стихами и никогда не получаю писемъ безъ стиховъ. И теперь, чего у насъ горы, такъ это опять стиховъ. Стихи, стихи и стихи!

Стихи на столѣ. Стихи въ столѣ. Стихи подъ столомъ. Стихи на стульяхъ и подъ кроватью (кровать у насъ стоитъ въ редакціи, а корзины еще нетъ).

Въ стихи заворачиваю булки. Стихами вытираю стаканы. Въ стихи закручиваю мыло. Словомъ вездѣ и всюду стихи. Спасите отъ стиховъ! А какихъ тутъ нѣтъ? Есть и оды периода доломо-

носовскаго—и сатиры временъ Кантемира. Есть и импрессіонеллы эпохи Владимира Мономаха. Есть такие „силы“, что ни въ какія периоды и эпохи не укладываются, а принадлежать, повидимому, великому будущему, завѣса котораго чуть-чуть приподнимается теперь.

Быть редакторомъ удобно еще и въ томъ отношеніи, что написавъ, напримѣръ, какуюнибудь чепуху, не нужно беспокоиться за ея непригодность—все примешь!

А что я дѣлаю—спросятъ.

VIII.

Въ сырое туманное утро,—когда острый холодъ пронизываетъ до судороги, до дрожи,—я бѣгу по жесткой мостовой въ городъ; бѣгу черезъ деревянный жалобно скрипящій мостъ, торопливо и ежась отъ холода, съ портфелемъ подъ мышкой, съ думами, похожими на колючій кустарникъ,—пытливо всматриваясь въ проходящихъ мимо, точно въ нихъ ищу отвѣта на свои вопросы, точно ихъ сужденіями могу быть уснокенъ.

Бѣгу въ сторону противоположной, куда идутъ, а не бѣгутъ, всѣ мои товарищи.

Бѣгу торопливо... въ городъ. Пробѣжавъ версты две грязной кривой улицей—съ множествомъ домовъ, ужасно похожихъ другъ на друга и надоеvшихъ до тошноты,—сажусь въ трамвай и,

обычно стоя на площадкѣ вагона, занимаюсь однимъ и тѣмъ-же: разматриваю знакомые скверы, заборы, украшенные огромными афишами и рекламами всяческихъ остроумій.

Навстрѣчу бѣгутъ автомобили; тащатся лѣнивые Ваньки съ сѣдоками полузаснувшими, а иногда проходятъ ряды солдатъ съ ружьями, мѣрно отбивая тактъ.

Пріѣзжая въ типографію, гдѣ хозяинъ послѣдней встрѣчаетъ меня обычнымъ:

— А, редакторъ, здравствуйте.

Сажусь и мы начинаемъ.

— Ну, что у васъ, новаго?

— Все по старому. Что у васъ?

— Тоже ничего—острить другой.

Минутъ черезъ двадцать, сдавъ въ наборъ рукописи и посмотрѣвъ одинъ другому въ глаза—редакторъ затѣмъ, чтобы узнать какого мнѣнія о нихъ типографъ,—а типографъ для того, чтобы опредѣлить, что думаетъ о нихъ самъ редакторъ, я встаю.

— Ну—говорю—пока всего лучшаго.

— Что такъ скоро, посидѣли бы.

— Некогда... И мы разстаемся.

На улицѣ или дождь или туманъ. Тѣснота страшная и никакъ не обойдешься, чтобъ кого-нибудь не толкнуть, а извиняясь думаешь: къ чему это—вѣдь сказано—„дѣйствие равно противодѣйствію“, а во время не остановишься потому, что существуетъ законъ инерціи. Все это извѣстно и понятно каждому, однако нужно какое-то тамъ извиненіе. Вѣжливость—скажутъ. Эта столичная вѣжливость такъ мнѣ насолила, что готовъ быть самымъ невѣжливымъ редакторомъ въ мірѣ и послать къ черту съ такой вѣжливостью всѣхъ, кто надѣленъ ею. Идешь, напримѣръ, въ какое нибудь учрежденіе, положимъ, просить объявленіе для журнала; а тамъ

первымъ долгомъ—изъ вѣжливости конечно—начнутъ расхваливать и журналъ и редактора, а иногда и сотрудниковъ, а ты стоишь и думаешь: сколько запросить съ нихъ?

— Сто рублей первая страница! вдругъ выпалишь ошеломленному директору или кто тамъ еще.

— Знаете, вы, лучше зайдите къ намъ часовъ этакъ въ 5 вечера—мы потолкуемъ.

А придя часовъ этакъ въ 5 вечера, говорятъ, что у нихъ и занятій то не бываетъ въ эти часы и что вообще у нихъ въ это время или ложатся спать, или станутъ спорить, что и часовъ такихъ совсѣмъ не бываетъ на свѣтѣ.

И ходишь, благодаря этой проклятой вѣжливости, попусту, бѣешь ноги и тратишь время.

Нѣтъ, я теперь самый ярый противникъ всякой вѣжливости, направленной къ тому, чтобы мучить людей и по моему нужно всѣми силами бороться съ этимъ зломъ.

Нужно безпощадно воевать съ вѣжливостью и вѣжливыми.

Вѣжливость и жестокость по моему—сионимы!

IX.

Обѣдать по человѣчески нѣтъ времени.

Обѣдаю на ходу.

Часовъ такъ около 3—4, когда голодъ особенно сильно даетъ себя чувствовать, а бѣготнѣ еще не видно конца,—захожу въ мелочную лавку. И съ колбасой въ одной руцѣ и булкой въ другой торопливо бѣгу по мостовой,—избѣгая панели, дабы не возбуждать аппетита у прохожихъ и тѣмъ не вводить ихъ въ излишніе расходы. Пробѣ

гающіе мимо извозчики лошади съ зависью заглядываютъ мнѣ въ ротъ, братья своихъ хозяевъ на чемъ свѣтъ стоять и вѣроятно думаютъ, что я самая счастливая въ Петроградѣ лошадь. А дома по вечерамъ сижу за конторой и только глубокой ночью, при свѣтѣ луны, которая къ этому времени взберется на самую верхушку неба и смотрить оттуда не мигая на меня и мою кровать, я беру карандашъ со стула, бумагу и закрывъ глаза, пишу эти, никому ненужные строки и безъ передѣлки несу на другой день въ типографію; а тамъ начинаются тѣ же разговоры:—Что новаго и такъ далѣе.

Найдутся и такие, которымъ пригодится мое писанье. А многие и такъ скажутъ:

— А этотъ, опять пишеть? И чего?.. Шелъ бы слушать лекціи; вѣдь говорилъ же прошлый разъ, что „15-го будемъ слушать лекціи“ и быть можетъ они правы. Но тутъ дѣло не въ ихъ правдѣ, а въ моемъ „хочу“! Слушать лекціи теперь не могу. Это выше моихъ силъ. А я и не желаю себя насиливать, ибо свобода прежде всего.

Какъ можно теперь спокойно слушать лекціи, когда тамъ умираютъ люди, а здѣсь, въ комъ еще не угасла искра совѣсти, работаютъ до изнеможенія, до крайней степени напряженности. Работаютъ на общую пользу. (Я упорно продолжаю думать, что я такъ-же дѣлаю доброе дѣло),

Нѣтъ, не могу слушать лекціи.

Да и какой смыслъ? Какой смыслъ изучать какие-то грибы—которые и въ микроскопъ-то не видно, когда къ moi имъ услугамъ такая—выражаясь языкомъ „прозы“—„крупная микроба“, какъ человѣкъ. Этотъ „грибъ“—куда занятнѣе!

И чтобы его видѣть, не нужно ни микроскопа, ни телескопа, стоитъ заглянуть въ любую „питательную среду“ и онъ тамъ есть. А „питательныхъ средъ“ теперь тоже много. Вотъ, напримѣръ, сегодня, захожу, въ такъ называемую „столичную артель уличныхъ продавцовъ печати“, на самомъ-же дѣлѣ,—не артель, а, не будь я редакторъ и не трусъ каталажки,—я бы сказалъ, въ притонѣ столичныхъ обирателей и вижу картину, достойную и поучительную.

Редакторъ-издатель, интеллигентный, по всей вѣроятности, человѣкъ—стоитъ безъ шапки передъ сидящимъ на рваномъ стулѣ „Иваномъ въ шапкѣ“ и, согнувъ спину дугой, быстро-быстро мигаетъ — какими угодно — только не веселыми глазами.

Онъ и ухмыляясь пробуетъ и прокашливается, словомъ, дѣлаетъ всяческие попытки заявить о себѣ и пытается заигрывать съ „Иваномъ“.

А „Иванъ“... Что ему?

Сидитъ и дѣлаетъ видъ, что страшно занятъ. Диктуетъ себѣ подъ-носъ какую то, повидимому, необычайно любопытную „математику“ и третъ лобъ подъ шляпой.

Мнѣ искренно жаль стало бѣднаго издателя, но что я могу подѣлать?

Я самъ почти издатель—правда, я въ условіяхъ далеко не такихъ печальныхъ, какъ мой случайный коллега, все-же помочь ему ни чѣмъ существеннымъ не могу.

Издатель кашлянулъ погромче и тутъ „Иванъ“ (онъ же господинъ староста артели), кончивъ свою работу, подняль на издателя, просіявшаго отъ удовольствія, усталые и не совсѣмъ безразличные глаза.

— Чего вамъ?

— Мн...э...э... мнѣ бы узнать о результатахъ... продажи моего журнала.. Какъ идетъ... собственно... продажа?

— Плохо, притворно - равнодушно мямлить „Иванъ“.

— Не спрашиваютъ, не интересный. Пускается въ критику староста.

— Помилуйте, Иванъ Козьмичъ, какой-же вамъ еще журналъ надо и съ картинками и про войну есть, намъ даже одна знаменитость обѣщала дать свои статьи. Какъ-же это?

— Вѣдь если такъ—то я прогорѣлъ... въ трубу значить... убытокъ...

— Оно, ежели скажемъ къ примѣру, прогорѣлъ—значить убытокъ. Философствуетъ равнодушно староста.

— Господи! думаю я, Гдѣ Ты, Справедливый?

— Отчего не убить нѣмцами, или какими-нибудь другими не менѣе лютыми „варварами“ этого злодѣй-паукъ, а живеть себѣ на бѣломъ свѣтѣ и чего доброго пожалуй плодить еще такихъ-же паучатъ какъ и самъ. И мнѣ страшно хочется приласкать бѣднаго издателя, но тотъ, видимо, потерялъ всякое довѣріе къ лодяямъ и, махнувъ рукой, убѣгаєтъ даже—чудакъ—не взглянувъ на меня.

Жду рѣшенія своей участіи.

Староста и на меня поднялъ равнодушные глаза.

— А вамъ чего?

— Тоже насчетъ продажи журнала.

— Сѣвернымъ Гусляромъ называется.

— А-а-а!—протянулъ староста.

— Не продается—плохо идетъ.

— Возьмите обратно.

— Матвѣй, выдай этому Гусляру, что остался.

— Можетъ быть можно получить за проданные, говорю, ласково глядя на старосту.

— За что получить, еще съ вѣсъ приходится,

— Какъ? искренно удивляюсь я.

— Да, такъ, очень просто: взяли у васъ 500 штукъ, а стало 515, вотъ и приходится за 15 штукъ съ вѣсъ.

Я обомлѣлъ.

X.

Сдавъ въ типографію возвращенные номера, я рѣшаю пойти собирать объявленія.

Первая вывѣска, заинтересовавшая мое вниманіе, была написана крупными красивыми буквами и сообщала, что тамъ—банкъ.

Курьеръ скрылся съ моей карточкой и черезъ пять минутъ выползъ человѣкъ съ круглымъ и мягкимъ животомъ, съ торчащими короткими волосами. Это и есть директоръ банка.

Мнѣ было крайне непріятно, что я потревожилъ этого „страшно занятаго“ человѣка такимъ пустякомъ, какъ помочь журналу въ пользу раненыхъ. Какое дѣло этому директору до всего міра и раненыхъ и не раненыхъ въ немъ? И я почувствовалъ, что я совершилъ страшную безтактность, что я кругомъ виноватъ.—Мнѣ уже стало казаться, что всѣ журналы, въ которые волей-неволей приходится давать объявленія, существуютъ по моей милости; что и автомобиль, заказанный директромъ полчаса назадъ, не подаютъ оттого, что я торчу тутъ, въ передней и мѣшаю шофферу подѣхать куда слѣдуетъ, что и раненые развелись на свѣтѣ по моей винѣ, что и война-то затѣялась чуть-ли не потому, что существуетъ на свѣтѣ одинъ странный редакторъ, которому, чтобы издавать журналъ, понадобились семьи раненыхъ и убитыхъ

что оттого и стали стрѣлять въ Европѣ изъ пушекъ.

— Мы 50000 пожертвовали, что вы еще хотите?, сказалъ злобно директоръ и посмотрѣлъ на меня своими липкими глазами и мнѣ—чудакъ я—показалось, будто къ моему лицу прикоснулись холодныя, липкія руки дешеваго парикмахера и я жду не дождусь, когда онъ кончить брить и утреть мои щеки и подбородокъ жгучимъ одеколономъ. Я тоже посмотрѣлъ на директора глазами — выраженіе которыхъ поручаю передать директору—и отвѣтилъ:

— Ахъ! какіе они, право, эти, что получили съ васъ такую сумму. Они мнѣ—представьте—обѣ этомъ ни слова! И вотъ результатъ: билъ ноги, мучилъ себя и васъ.

— Ужъ, вы, пожалуйста, меня извините!

— Шляются! резонно замѣтилъ курьеръ, когда директоръ шмыгнулъ обратно въ кабинетъ и плотно затворилъ дверь.

— Сами пишемъ — сами продаемъ! Интересный, покупайте! Заревѣлъ я выходя на улицу.

Отъ директора банка я двинулся куда глаза глядятъ.

Шелъ, не взирая на направленіе и усталость.

— Куда иду?.. хотѣлось спросить, сидѣвшаго гдѣ-то внутри бѣса.

— И зачѣмъ?.

И, расмѣявшился мысленно, тутъ же сравнилъ себя съ тѣмъ парикмахеромъ, который брилъ меня утромъ отъ представленія о которомъ не могу отдѣлаться даже вечеромъ.

Да, точь въ точь онъ.

Загребаетъ привычной рукой хлопья волосъ и рѣжетъ-рѣжетъ.

Сколько ты ему не толкуй, что не рѣжь на вискахъ: испортишь. Нѣть—не отдѣлаешься, онъ тебѣ развернетъ во всей своей красѣ и силѣ свою парикмахерскую „науку“ и докажетъ, что есть правила и законы, по которымъ онъ не можетъ,—не погрѣшивъ противъ „науки“ и своей парикмахерской совѣсти,—не стричь на вискахъ и кончить тѣмъ, что „оближетъ“ вашу голову съ боковъ и сдавитъ, на затылкѣ оголить вершка на 3, а спереди оставить хвостъ, загладивъ который на макушку, за гладить и все свое парикмахерское „преступленіе“.

Если бы меня спросили любопытные, что хуже всего на свѣтѣ. Я бы не задумываясь отвѣтилъ:—Собирать объявленія для журнала, хотя бы и не въ свою пользу и ходить въ парикмахерскую бриться за пятакъ.

Редакторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Тебѣ не жаль меня, печальную, больную?..
Такъ сѣро, холодно и пусто все кругомъ...
Дождь тусклый мороситъ... а я—одна, тоскую,
И все кого-то жду я, сидя подъ окномъ...
Какъ въ траурный вуаль природа вся одѣта,
Ужъ вечеръ настаетъ томительного дня...
Такъ хочется любви, уюта, ласки, свѣта...
Я все одна... тебѣ не жаль меня?..

В. Солнцева.

Письма въ редакцію

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ.

Читали второй номеръ журнала „Съверный Гусляръ“. Невѣроятнымъ казалось отношеніе товарищѣй, къ дѣлу журнала, выясненное И. Лебединымъ.

Такъ знайте же вы, трудящіеся надъ великимъ дѣломъ—помохи страдающимъ—товарищи, что есть среди студенчества и глубоко сочувствующіе, какъ цѣли, такъ и идеи журнала!

Стебутовки.

—
М. Г.

Господинъ Редакторъ.

Прочла я въ Вашемъ журналѣ письмо г. Лебедиева и такимъ оно мнѣ показалось хорошимъ и искреннимъ, что захотѣлось отвѣтить ему какъ-нибудь. Такъ близокъ этотъ тонъ веселый и задорный, когда на душѣ далеко, далеко не легко и хочется сказать—оставьте ихъ, милый товарищъ, и не огорчайтесь: это люди мертвые. Они не проснулись даже теперь, когда все живущее сплотилось, работаетъ, помогаетъ по мѣрѣ силь, а душа-то, душа распустилась такимъ прекраснымъ цветкомъ; потому-то мы и стали теперь выше партій, выше мелкихъ нашихъ, постоянныхъ дѣлъ. Но есть люди, которые не слышать этого аромата, непонятно имъ общее желаніе „хоть что-нибудь сдѣлать“; оставимте ихъ: ихъ не разбудить ни взрывъ патріотизма, ни интересъ къ студенческому журналу, ни просто желаніе—дать гравенникъ „въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ“. Они не сберегутъ свои силы и, будемъ надѣяться, когда-

нибудь и принесутъ пользу нашей родинѣ; въ торговыхъ дѣлахъ, быть можетъ, они не дадутъ обманывать насъ иностраннымъ купцамъ; можетъ быть они и построятъ когда-нибудь русскія фабрики, чтобы не кланяться намъ „вѣмцу“ и чтобы великая наша Россія „сама все для себя имѣла“. Будемъ же надѣяться, что они проснутся, когда дѣло коснется акцій, процентовъ, актива и пассива, стануть въ ряды работниковъ; много ихъ намъ надо, и такихъ разнообразныхъ.

Но вѣдь насъ, живыхъ и бодрствующихъ, много, а потому будемъ смѣлы и веселы! Пусть наше шествіе будетъ дружнымъ и свѣтлымъ, а тѣ, которые не съ нами—они сами уйдутъ съ дороги и будутъ съ удивленіемъ и завистью смотрѣть на насъ. Присоединяйся, кто хочетъ. Смотрите, какъ мы счастливы и богаты—это потому, что наши вклады приносятъ намъ огромные проценты! Съ нами, друзья!

Кира.

—
Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Съ какимъ наслажденіемъ прочелъ я послѣдній номеръ „Съвернаго Гусляра“. Сразу воскресли во мнѣ всѣ надежды, всѣ упованія на сплоченіе студенчества, такого чуткаго и отзывчиваго на все прекрасное, доброе. И словно окрыленный надеждой, я вижу уже предъ собой не тоненький, робкій въ своемъ начинаніи журналъ, а толстый и объемистый выпускъ, гдѣ плоды вдохновенія и отклики молодыхъ душъ могутъ найти себѣ мѣсто и появиться на свѣтѣ.

Товарищи, къ вамъ призываю я, съ полной увѣренностью, что то доброе чувство въ вашей душѣ, то желаніе идти впередъ, къ идеалу, добру не заставитъ васъ оставаться безучастными къ выходу журнала „Сѣверный Гусляръ“, а наоборотъ, заставитъ сплотиться, соединиться во едино, отбросивъ партійность и рознь. Въ великой моментъ суждено было родиться ему, этому журналу, въ моментъ мірового пожара; среди кликовъ войны, стоновъ раненыхъ. Такъ пусть же, товарищи, „Сѣверный Гусляръ“, выростеть и окрѣпнетъ при дружномъ участії студентовъ и заставить прислушаться къ себѣ общественное мнѣніе и публику, ту публику, которая еще не знаетъ идейной души русского студенчества.

Студентъ Владимиръ К—.

—
М. Г.

Господинъ Редакторъ!

Позвольте принести Вамъ мое поздравленіе по случаю благополучнаго начала изданія «Сѣверного Гусляра» и выразить восхищеніе идеями,ложенными въ основу изданія. Я купилъ 2-ой номеръ журнала, какъ покупаю все, что теперь продается съ благотворительной цѣлью на улицахъ, въ кофейняхъ, театрахъ... Вхожу въ фойе одного изъ большихъ кинематографовъ на Петроградской Ст... „Товарищъ, купите журналъ! Студенческій! Въ пользу...“ кого и чего я по обыкновенію, не разслышалъ... — достаточно одного слова: „въ пользу“. — Рука непроизвольно роется въ кошелькѣ, подаетъ требуемую монету, а журналъ... онъ могъ бы остаться въ рукахъ предлагавшаго и я бы того не замѣтилъ: — вѣдь не замѣтилъ же я ни формы, ни фигуры предложившаго журналъ студента... Въ наше время, въ эти дни перво-иапряженного ожиданія вѣстей „оттуда“, стѣны моей поднебесной каморки давятъ меня, и весь почти мой день проходитъ на улицѣ. Поздно вернешься домой и принимаешься за разгрузку кармановъ... „Голосъ Руси“, „Биржевка“, „Вечерній телеграфъ“ и масса различныхъ „прибавленій“ недоумѣнно располагаются по столу въ непривычномъ съствѣ. Обыкновенно все это бѣгло просмотрѣно на бѣгу еще тамъ на улицѣ и теперь, когда готовишься забыться отъ дневной сутолоки въ „нѣжныхъ“ объятіяхъ перекосившейся, старой—

какъ міръ—желѣзной подруги, своимъ вкрадчивымъ поскрипываніемъ и мѣрнымъ покачиваніемъ изъ стороны въ сторону на подогнувшихся ножкахъ—(двѣ изъ нихъ давно канулъ въ Лету, но ихъ съ успѣхомъ замѣнили полѣньями), теперь, говорю, я я предаюсь болѣе проникновенному ознакомленію со всѣмъ тѣмъ, чего съ большимъ успѣхомъ можно было бы совсѣмъ не читать и... просыпаюсь на утро нѣсколько раньше, чѣмъ этотъ соня петроградскій день лѣниво соблаговолить обласкать своимъ желѣзнымъ полусумракомъ мою единственную, желѣзную подругу. Второму номеру „Гусляра“ заблагоразсудилось сильно измѣнить все то, что по обыкновенію случается у меня послѣ этого и... Такое самовольное вторженіе въ чужія привычки по меньшей мѣрѣ досадно!.. Желтенькая, тщедушная тетрадочка, что ты такое?!. „Сѣверный Гусляръ“... обложка въ студенческомъ стилѣ (каковой, по моему глубокому убѣждению: несомнѣнно существуетъ).

О!... „Уже сѣрый день занялся надъ столицей!“...

„Слушай“—говорю я себѣ подъ утро: вѣдь это же нечестно! Въ твоихъ рукахъ этотъ толстый, солидно изданный на лучшей бумагѣ, всемирно известный, гордость русского студенчества—журналъ, а ты все таращишь глаза на обложку и не „вникъ въ глубины“ его „внутренней сущности“. Съ усилиемъ открываю первую страницу... Воюсь и жалко разстаться съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы тутъ на ти!.. Великія задачи, высокія и далекія устремленія... abs реальныхъ силъ... Грустно! Купили г. г. „студенты коммерческихъ знаній“ 20 номеровъ, продали четыре.. журналъ не пойдетъ—пунктъ первый,.. второго и не надо: журналъ умеръ, не успѣвъ родиться... Фатумъ??!.... Но я не хочу, я не могу вѣрить въ купеческую правду! Она есть—да но она не одна... Пусть мои глаза видятъ эту тонененькую, блѣдно-желтую тетрадочку... пусть мнѣ говорять, кричатъ, убѣждаютъ, доказываютъ... „именъ“ видишь ли нѣть; надо привлечь сотрудниковъ... Да кто же такие Татьяна Б. А. Ильяшенко. Ал. Дроздовъ?.. Почему это не „имена“, не „сотрудники“.. Для кого тайна, что представляютъ собою 50% настоящихъ такъ называемыхъ „именъ“ и „сотрудниковъ“?... Нѣть. Я—житель мыса Добрая Надежда. Для меня Сѣверъ—міръ весь и „Сѣверный Гусляръ“—„Всемирный Русляръ“... Отъ меня весь культур-

ный міръ лежить къ съверу. Я хочу върить въ „Гусляра“, явившагося сегодня мечтамъ моимъ, я надѣюсь на осуществленіе мечты и готовъ посвятить ограниченныя силы и время моему „Гусляру“, готовъ незамѣтно, по муравьиному выполнять мою работу. За мною „товарищи“ и

„коммѣрческихъ знаній студенты“... Меня не поймутъ съ коммѣрческой точки звѣнія, но поймутъ со всѣхъ прочихъ.

Студентъ *Математикъ.*

ИЗЪ ОТЧЕТА РЕДАКЦИИ.

Чистой прибыли отъ продажи I-го номера нашего журнала въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ получено

607 руб. 61 коп.

Деньги, за исключениемъ отчисленныхъ на изданіе слѣдующаго очереднаго выпуска журнала, въ количествѣ 300 рублей хранятся въ государственной сберегательной кассѣ.

2-й номеръ журнала проданъ въ количествѣ—10,000 экзем., причемъ чистой прибыли въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ предполагается прибл. 400 рублей.

Точный отчетъ редакціи о результатахъ продажи 2 номера будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ 4 номерѣ.

Ввиду усиленного спроса читателей на нашъ журналъ настоящій выпускъ отпечатанъ въ **20,000** экземпляровъ.

Редакція.

Редакторъ-Издатель *А. Васильевъ.*

Тип. М. Квара, Петроградъ, Литейный, 33.



Торговый Домъ

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

Мѣхаймѣховыя издѣлія.
Боа. Этоли. Муфты.

А. ГАНГЕЛИНА

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНИЯ ЧАЙКОВСКАГО

(въ стихахъ). 90 книгъ пожертвованы въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ, продаются въ конторѣ журнала „Сѣверный Гусляръ“ Цѣна 50 коп.

Н. В. СЕВАСТЬЯНОВА

PRIMA CARMINA

(тридцать пять стихотвореній).

100 книгъ пожертвованы съ той-же цѣлью, продаются тамъ-же.

Цѣна 30 коп.

Просимъ сочувствующихъ намъ присыпать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работе по распространенію журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи.

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ

въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.

Подписка принимается въ магазинахъ Вольфа, Невскій пр. 13 и Гост дв. 18, маг. Попова (у Анич. мос.) и въ отдѣл. конторы Литейн. 33.